

Schiavone Camacho Julia María. Chinese Mexicans Transpacific Migration and the Search for a Homeland, 1910–1960. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012. 248 с., карт., ил., табл.

Книга американской исследовательницы Хулии Марии Скьявоне Камачо «Миграция китайских мексиканцев через Тихий океан и поиски родины, 1910–1960» имеет китайское параллельное заглавие, отличное от английского титула: «В крови и слезах Китая мексиканские матери пересекают океан». Указано оно, впрочем, только на суперобложке, рядом с репродукцией иконы Богоматери Гваделупской из церкви св. Терезы в Гонконге.

В этих двух разных по стилю названиях — строго научного английского и пафосно-публицистического китайского отражается многоплановая структура самой книги: это и диссертационное исследование, и хорошее познавательное чтение. Действие разворачивается на двух континентах — Американском (США и Мексика) и Азиатском (Китай, Макао, Гонконг). Каждая страница монографии вызывает к эмоциям читателя. Со многими людьми, о судьбах которых она рассказывает, автор знакома с детства, основой книги стали исполненные драматизма устные истории китайских мексиканцев.

Скьявоне Камачо — специалист в области гендерных исследований, работает на соответствующем факультете Колледжа Сары Лоуренс (Faculty of Gender in the Global South, History, and Global Studies at Sarah Lawrence College). Более всего ее волнуют судьбы мексиканок, вышедших замуж за китайцев и высланных вместе с ними из Мексики в 30-х годах прошлого века.

Китайское заглавие книги точнее передает ее суть, чем английское, речь идет именно о мексиканских матерях детей от смешанных браков, о том, как они оказались в Китае, какова была их азиатская жизнь, как они сохраняли свою национальную идентичность и боролись за возвращение на родину.

Книга состоит из разделенных на главы 4-х частей: две первые рассказывают о жизни китайцев в Мексике, две последние — о жизни мексиканок в Китае. О китайской диас-

поре в Мексике, как и в других странах Латинской Америки, существует обширнейшая литература, которой автор прекрасно владеет: библиография занимает более десяти страниц текста (С. 203–217). Привлеченные источники делятся на пять групп: неопубликованные материалы (архивные дела и устные истории); Интернет-ресурсы; диссертации и тезисы; книги и статьи; газетные публикации. Все это — только на европейских языках, китайским автор не владеет и использует только материалы из англоязычной китайской прессы.

Очевидно, что можно найти более фундаментальные исследования о китайской диаспоре в Мексике, о зарождении и особенностях мексиканского национализма, но о том, чем этот самый национализм обернулся для нескольких сотен мексиканок, первой рассказала именно Скьявоне Камачо.

Китайцы стали переселяться в Латинскую Америку из Гуанчжоу и других приморских провинций юга Китая с середины XIX в. В Мексике китайцы селились в основном в северных штатах, граничащих с США, политика которых в отношении китайцев определила очень многое в судьбе китайцев в Мексике. После принятия в 1882 г. беспрецедентного Федерального закона о высылке китайцев (Federal Chinese exclusion act) китайцы стали приезжать в Мексику и из США, селились, естественно, неподалеку от границы.

Мексиканские эмиграционные законы были благоприятны. Китайцам разрешали не только работать на тяжелых работах, но и заводить свое дело, жениться, получать либо гражданство, либо долгосрочные виды на жительство, креститься.

Китайцев в Мексике не было слишком много, поэтому они не образовывали большие коммуны — чайна-тауны, а стремились интегрироваться в мексиканское общество благодаря бракам с мексиканками. За китайцев выходили замуж женщины из небога-

тых рабочих мексиканских семей, брак с китайцем был для них престижен. Китайцы в Мексике принадлежали к двум категориям: сельскохозяйственные работники и низкоквалифицированные рабочие, занятые на шахтах и строительстве железных дорог, а также образованные состоятельные люди — торговцы, врачи, аптекари. Среди китайцев существовали различные формы взаимопомощи, в том числе и для поддержки вновь прибывающих соотечественников. Случаи участия китайцев в преступных бизнесах были единичны, в основном связаны с проституцией.

Китайцы стали принимать мексиканские имена, носили гибридные фамилии. Мужчины присоединяли к своей китайской фамилии, записанной в транскрипции, характерной для испанского языка, испанское имя, их мексиканские жены добавляли к имени отца имена мужа с частицей «де» между двумя фамилиями. Например, жена Felipe Chan звалась Rosa Murillo de Chan, а их старший сын — Ramón Felipe Chan Murillo (С. 9). В семьях складывалась причудливая языковая ситуация: человек мог говорить на кантонском, испанском, английском, языке местных индейцев яки (yaqui), смешивал слова и звуки. Появилась китайско-мексиканская домашняя кухня (С. 24).

Идиллия продолжалась до Мексиканской революции 1910 г. Изменение отношения к китайцам после революции в Мексике имеет ряд причин, как политических, так и экономических. Революция обострила многие социальные проблемы. Китайцы придерживались нейтральной позиции, не принимали никакого участия в революционных событиях и преуспевали, что было особенно заметно на фоне быстрого обнищания мексиканцев, всецело занятых революционной борьбой.

Высылка почти миллиона нелегальных мексиканцев из США в период Великой депрессии обострила ситуацию в Мексике. Вновь прибывшим стало казаться, что все рабочие места заняты китайцами. Особенно сильны антикитайские настроения были в северных штатах Сонора и Синалоа. К началу XX в. китайская диаспора была самой боль-

шой в Соноре, составляя при этом 1–2% от общего числа населения, максимальное количество китайцев было отмечено в 1927 г. — 3758 человек. То есть внимание, которое с некоторых пор привлекала эта весьма небольшая колония, было явно непропорционально ее численности (С. 23).

Антикитайская кампания имела различные аспекты, но ее острее с самого начала было направлено против мексиканских жен китайцев (Chinos), подчеркивалась опасность для мексиканской расы потомства от смешанных браков (mestizaje)*. Весьма красноречивы воспроизведенные в книге карикатуры на эту тему из сонорских газет того времени.

В 1919 г. к власти в Соноре приходят антикитайские силы — губернатор и мэры городов (С. 48). В 1923 г. был принят невыполняемый Закон 27 о создании чайна-таунов, 31-й закон запрещал браки с китайцами (С. 49). Должностные лица, оформлявшие нелегальные отныне браки, привлекались к суду (С. 59), в газетах печатались фотографии мексиканок, вышедших за китайцев (С. 60). Особый упор делался на то, что дети от смешанных браков — дегенераты, что они еще хуже самих китайцев; женщин обязали получать сертификаты на право иметь детей от китайцев (С. 66). Антикитайские активисты представляли китайцев как нечестных бизнесменов, лекарей-отравителей, насильников и педофилов. Все громче звучали призывы к бойкоту китайских предприятий. Высказывались опасения экономической зависимости от китайцев (С. 50), которые потом, после высылки китайцев, подтвердились, так как китайцы забирали из банков все свои деньги, и штат оказался на грани банкротства (С. 71).

В 1931 г. губернатор Соноры Франциско Элиас издал указ о закрытии китайского бизнеса и высылке тех китайцев, которые не подчинились этому закону. Нужно иметь в виду, что центральных мексиканских законов о высылке китайцев не было, инициатива всегда исходила от местных властей, методы в каждом городе были свои. Прибегали к арестам, угрозам, не гнушались устраивать погромы, городские власти устанавливали предельные

* Метисация, специфическое испанское слово, существует как термин и на английский обычно не переводится.

сроки, в которые китайцам необходимо покинуть подведомственные им территории. Только немногие богатые семьи сразу вернулись в Китай, остальные перебрались в другие мексиканские штаты или в США. Хотя массово изгоняли китайцев только из Соноры и Синалоа, китайцы уезжали из всей страны. Если в 1930 г. в Мексике было 18 тыс. китайцев, то через 10 лет — только 5 тыс. В Соноре же к 1940 г. осталось только 92 китайца. Некоторых спрятали их мексиканские жены и друзья-мексиканцы, несколько китайцев прожили самые трудные годы в пещерах. Кто-то сумел отсидеться в отдаленных деревнях, убрав из своего гибридного имени его китайскую часть и став по документам просто мексиканцем. Однако некоторым людям власти разрешили остаться: среди них были известные врачи, ремонтники, некоторые сохранили хорошие личные отношения с представителями властей. Устные истории людей, не захотевших покинуть Мексику, также приведены в книге.

Мексиканки поехали вместе со своими китайскими мужьями и детьми, что казалось естественным: браки были действительными, они жили на родине в атмосфере травли и боялись за себя и детей, им казалось, что едут они недалеко — в США и, возможно, ненадолго. Но устроиться в США на нелегальном положении не удалось никому: американцы свозили всех китайских мексиканцев в Сан-Франциско и отправляли в Китай. Американские власти высылали китайскую семью как отдельную единицу, не обращая внимания на гражданство мексиканок. Это важно для понимания того, что произошло с женщинами потом.

Новая китайская жизнь мексиканок была тяжела. Канву исторических событий в Китае в 30-х–60-х годах прошлого века мы себе представляем. Мексиканкам пришлось пройти через все это, но первая и главная проблема, с которой они столкнулись по прибытии, заключалась в том, что у большинства их китайских мужей на родине уже были жены и дети. Мексиканки оказались на положении вторых жен, и китайские законы не признавали их семейного статуса. Многие женщины сообщили автору книги, что их мужья в Китае резко изменили свое к ним отношение, нарушили прежние обещания, например, не отдали сыновей учиться, а отправили в деревню. Ки-

тайское общество плохо отнеслось к мексиканским женам и детям-метисам (С. 109). Большинство мексиканок стали хлопотать о возвращении на родину. И тут выяснилось, что выйдя замуж за иностранца в Мексике, они оказались лишены мексиканского гражданства, то есть въехать на родину без визы они не могли, а с получением визы были большие сложности. Женщинам, которые не оформили брак с иностранцем официально, было значительно проще. Скьявоне Камачо приводит удивительные случаи, например, китайский муж-бизнесмен вернулся в Мексику, а его мексиканская жена потеряла паспорт и осталась в Китае еще на 5 лет, ибо ни мексиканцы, ни китайцы не давали ей новый (С. 107). Получившим право на въезд в Мексику зачастую было сложно найти деньги на возвращение, так, одна дама вернулась, оставив пятерых детей в Гонконге при церкви (С. 126).

К 1933 г. в Гуандуне и соседних провинциях было 600 мексиканок и их детей (С. 108). Большое участие в их судьбе принимал шанхайский бизнесмен и почетный вице-консул Мексики Маурисио Фреско. Мексиканки уходили от китайских мужей, пытались устроить самостоятельную жизнь, образовывали союзы по возвращению на родину. Разведенные мексиканки старались жить неподалеку друг от друга, вместе воспитывали детей, писали письма в различные дипломатические представительства, боролись за изменение мексиканских законов о браке и въезде/выезде (С. 113).

В ожидании решения своей судьбы мексиканки компактно селились в больших городах, в Шанхае и Нанкине, Макао и Гонконге, здесь было больше экономических возможностей, женщины работали служанками в домах и при церквях и их институтах. Особенно привлекателен был Макао с его космополитизмом и католическими традициями. Сюда перебрались не только многие разведенные мексиканки, но и нераспавшиеся китайско-мексиканские семьи.

Активность мексиканских консульств в Азии, а также стремление Мексики улучшить свой международный имидж постепенно привели к некоторому улучшению ситуации. В 1933 г. правительство продекларировало, что не давало разрешения на высылку китайцев, антикитайские активисты из Соноры вынуждены

были оправдываться, но высылка продолжалась до 1934 г. Начавшаяся японская агрессия в Китае заставила правительство Мексики предпринять реальные усилия для спасения своих соотечественниц (С. 121).

Первая официальная кампания по репатриации китайских мексиканок связана с именем мексиканского президента Ласаро Карденаса дель Рио (Lázaro Cárdenas del Río; 1895–1970, президент в 1934–1940 гг.). Мексиканское правительство спонсировало возвращение разведенных мексиканок, т.е. не был разрешен въезд мужей-китайцев в тех случаях, когда они хотели ехать вместе с женами. Некоторые семьи предпочли остаться в Китае, чтобы не быть разделенными, женщины говорили, что не вернутся, пока живы их мужья.

Мексиканскому консулу в Йокогаме было выделено 94 000 песо для репатриации 400 женщин и сотен детей к весне 1937 г. (С. 129). О программе репатриации женщины узнавали из китайских газет, в консульстве Мексики им нужно было только рассказать свою историю и назвать имя президента Мексики на момент отъезда из страны (С. 130).

В марте 1937 г. первая группа из 89 женщин и сотни детей покинули Гонконг, в Мексике их встретил иммиграционный делегат. Долгожданное возвращение обернулось сложностями: не всех женщин и их детей охотно принимали оставленные ими родительские семьи и общины (С. 129). Существовало подозрение, что репатриантки являются носителями азиатских болезней, их подолгу держали в карантинах.

Репатриацию Карденаса Х. Скьявоне характеризует как неполную и ограниченную. Возможность продолжить борьбу за возвращение у китайских мексиканок появилась вновь после Второй мировой войны. Чем дольше мексиканки жили в Китае, тем прекраснее им казалась Мексика. В союзах китайских мексиканок детей обучали испанскому языку и культуре. Идеализируя образ оставленной родины, мексиканки никогда не обвиняли народ в высылке китайцев, а только правительство. После войны появилась возможность восстановить связи с мексиканской родиной.

В 50-х–60-х годах прошлого века инициатором и координатором движения за возвращение в Мексику стал Рамон Лай Мазо (Ramón

Lay Mazo). Он покинул Синалоа маленьким мальчиком, долго жил в уезде Тайшань в Гуандуне, после Второй мировой войны, как и многие, перебрался в Макао, работал при католической церкви. Им была проведена перепись китайско-мексиканского населения в Макао в 1959 г., ее результаты Скьявоне Камачо обобщила в таблице (С. 140–141): 121 человек, 24 домохозяйства от трех до девяти человек в каждом. Социальное положение и уровень материального благосостояния этих людей в среднем были невысоки, не случайно в конце 50-х годов в Макао выражение «быть как мексиканец» значило быть бедным и не иметь статуса (С. 144).

Лай Мазо переписывался с мексиканскими инстанциями различных уровней, собирал сведения обо всех соотечественниках, особенно тех, кто остался в КНР. О тяжелом положении этих людей, особенно в период Культурной революции, Мазо знал не понаслышке. Восстановление мексиканского гражданства осложнялась тем, что многие китайские мексиканцы в КНР не имели документов, известны случаи уничтожения мексиканских паспортов коммунистами, по поводу таких людей велась переписка с родственниками в Мексике.

Благодаря активности Мазо различные благотворительные организации в Мексике начали принимать участие в судьбе китайских мексиканок, в Мехико-сити в конце 50-х годов возникают женские организации, пишущие письма президенту Лопесу Матеосу о необходимости спасения одиноких мексиканских женщин в Китае. Упор делался на их мексиканский патриотизм, вечную мечту о возвращении в сочетании с бедностью и бесправием. Благотворительным организациям удалось на первых порах вывезти из Макао 69 семей без документов. После этого в 1958 г. была создана комиссия по репатриации. Некоторые мексиканки боялись, что мексиканские власти вновь не позволят им вывезти своих китайских мужей, таких полных семей в Макао оказалось девять, в Гонконге — немногим больше, мужчинам было уже за шестьдесят, и Мексика разрешила им въезд в страну (С. 162). Всего, по разным данным, при Л. Матеосе вернулось от 250 до 350 китайских мексиканцев.

Как и во времена первой официальной репатриации, реинтеграция возвращенцев в мексиканское общество происходила тяжело, осо-

бенно это касалось детей, не помнящих Мексику, родившихся в Китае или вывезенных младенцами. Китайские мексиканки писали в письмах президенту, что их сыновья не могут найти работу (С. 164). Однако трудности оказались преодолены при помощи мексиканцев и китайских мексиканцев, вернувшихся ранее. Интеграции способствовала мексиканская идентичность, не утраченная за годы жизни в Китае.

После возвращения Масо в Мексику борьбу за репатриацию людей из Гуандуна возглавил в Макао испанский иезуит Луис Руис. Коммунистические власти не разрешали своим китайским мексиканцам выезд из Макао. В результате деятельности разного рода организа-

ций по помощи таким людям проблема была наконец решена, и все китайские мексиканцы, желавшие уехать, после тридцатилетней борьбы вернулись на родину.

Книгу Скьявоне Камачо можно рекомендовать Китаистам, историкам, специалистам по межнациональным отношениям и диаспорам. Собранные в ней архивные материалы и устные истории непосредственных участников событий едва ли смогут оставить кого-нибудь равнодушным. Победа китайских мексиканок в многолетней борьбе за свои права с двумя бесчеловечными государственными машинами — мексиканской и китайской, вызывает искреннее восхищение.

© 2015

*Т. Виноградова,
заведующая отделом Библиотеки Академии наук РАН.*